

Станислав Косаренко

Где обычно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Косаренко

Где обычно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68888754

SelfPub; 2023

Аннотация

"Попить водки" – отдельное культурное мероприятие, к организации которого нужно подходить со всей имеющейся в наличии ответственностью. Состав участников, реквизит, антураж – равнозначные по ценности компоненты, ни одним из которых нельзя пренебрегать.

Содержание

Холодные закуски	4
Картошка	18
Пельмени	33
Повторить	44

Станислав Косаренко

Где обычно

Холодные закуски

– Ну шо?

– Не, ну я ж не против.

– Но не вдвоём же, нужно ж как-то традиции соблюдать.
Или мы не водку?

– Доктор сказал, что можно только водку. Правда, взял за это пятьдесят баксов.

– То есть, я звоню Сане.

– Ну да, без него как-то... Нетрадиционно.

– Значит, «Где обычно», часам к шести.

Подвальчик «Где обычно» – милейшее место, специально заточенное, чтобы попить водки. Не нажраться, не убиться в хлам, а именно попить. По-взрослому, без понтов, не огля-

дываясь по сторонам, не заботясь, достаточно ли прилично ты выглядишь для накрахмаленной скатерти. Дубовые стулья слишком массивны, чтобы применить их в драке, простые деревянные столы достаточно прочны, чтобы выдержать желающего на них станцевать, часы с кукушкой, приглушённый свет и музыка, которая не мешает разговаривать. В небольшом вольере – живая белка. Атмосферу заведения как нельзя лучше отражает плакат «Мы – против алкоголизма! Мы – за пьянство!». Да, именно про подобные места и говорят: «Атмосферное». Официантка с такой белой кружевной штукой на голове, как в советском кино, и с заботливым взглядом приносит меню, в котором полторы сотни видов водки и всего с десятков закусок. Но каких!

Мы с Саней пришли чуть раньше.

– Добрый вечер, молодые люди.

– Да уж, не старые.

– Я вам меню оставлю, если что, я где-то рядом.

– Да, мы товарища дождёмся и закажем, чтобы не выдохлась.

– Я рядом...

Наконец появился Владимир Алексеевич. Без посторон-

них мы зовём его Ильич. Может быть – по причине особого сочетания лысины и бородки клинышком, может быть – из-за особого прищура глаз, может быть, конечно, и потому, что он мудрее нас, но ему это удивительно подходит.

– Заказали?

– Тебя ждём.

– А зачем?

– Третьим будешь.

– Ясно всё с вами. – Девушка!

– Определились?

– Вот сколько Вам лет? Мне можете говорить смело, как доктору.

– Двадцать один.

– Так вот, мы определились, ещё когда Ваши уважаемые родители не познакомились.

– Чудесно. Пить что будете?

– А что Вы можете нам предложить?

– Ну... Водку, водку или... водку.

– Отличный выбор!

– Лучший.

– Ильич, не смущай девушку. – Зая, вот той, что мы обычно берём, первые триста грамм, пожалуйста, и огурчики с капустой. Селёдочку, разумеется, хлеб этот ваш чёрный и картошку.

– Сварить или пожарить?

– Пожарить. Старшему товарищу без лука, а весь его лук нам положите. И водички без газа по маленькой бутылочке.

– И можно хлеб тоже немножечко поджарить? – Интересно старший товарищ.

– На маслице?

– Ага.

– И чесночком натереть?

– Богиня!

Вильнув бантиком фартука, официантка удалилась, а мы как-то разом застыли в предвкушении. Молчание нарушил Ильич:

– Ну что, рассказывайте, как, чего и как вы этого добились.

– Да нормально, вроде.

– Без изменений.

– Ясно всё с вами. Завидное постоянство.

– Ой, можно подумать, у самого новая жена и работа.

– Не-не-не, дорогие товарищи, никакой работы. Я оформляюсь в пенсионеры.

– Ага, скажи, что тебе это помешает работать.

– Ну-у-у, как тебе сказать... Я ещё не пробовал.

– Я бы сказал: «Вот за это и выпьем», но они же никогда

не приносят водку раньше закуски.

– И я не стал бы их за это осуждать.

– Зая, ну где там наша вода? Уже хочется выпить хоть чего-нибудь.

– А вы обратили внимание, насколько эти гранёные стаканы соответствуют часам с кукушкой? Тут ведь что важно – судя по всему, они эти стаканы где-то в интернете искали, потому что, можете мне поверить, они тоже постарше нашей официантки будут. О! Что я говорил? Смотрите – написано: «ц 14 к». Где его сейчас за четырнадцать копеек купишь?

Жадно втянув в себя воду, мы снова на минуту замолчали. Первым заговорил, как ни странно, Саня. Странно – потому что он не то, чтобы неразговорчив, но, обычно, эти полтора килограммов доброты сами разговор не начинают. Ему в беседу нужно втянуться:

– Ильич, а ты не в курсе, что там с тендером по третьему участку?

– В смысле, кому его отдадут?

– Ну да, разгребаться-то мне.

– Похоже – «Универсал Плюс».

– Так они ж дебилы!

– Зато дали самую лучшую цену. Как раз, может быть потому, что дебилы. Я вообще не понимаю, как туда можно влезать. Там, что грунты, что коммуникации, а допработ в бюджете нет. Скорее всего, они просто встрянут в это говно.

– Ага, а мне потом их оттуда вытаскивать.

– Или топить. Давай решать задачи по мере их поступления, тем более что вот наша милая девушка уже что-то нам несёт. Предлагаю эту задачу считать первостепенной. – А что тут у нас? Огурчики! А они хрумстят?

– Обижаете.

– Всё-всё, не буду. А скажите, милое дитя, почему ваша белка, как её зовут, кстати?

– Галя.

– Галя, значит... Так почему Галя не выходит?

– Так вы же ещё ничего не выпили.

– То есть, как только выйдет – сразу хватит?

– Нет, если выйдет, значит, она вам наконец-то рада.

– А что, она может быть не рада гостям?

– Если честно, она людей вообще не любит, особенно, трезвых.

– А знаете, я её понимаю. Ваше руководство не будет против, если я пришлю Гале кедровую шишку?

– Руководство тоже людей не сильно, но те, кто хорошо относится к Гале, могут рассчитывать на снисхождение.

Седовласый буфетчик в белоснежном кителе вынес поднос с запотевшим графинчиком, сказал: «Я не прощаюсь» и степенно удалился. Вечер вступил в долгожданную фазу.

– Всё у них хорошо, только рюмочки маленькие.

– Ильич, щас только скажи, тебе стакан принесут.

– Чего его нести, вот он на столе стоит.

– Так туда и лей. Только себе, а мне половинку вот этой

маленькой. Она ж должна одним глотком заходить, иначе невкусно. Или ты торопишься?

– Ладно, давай уже, ценитель, вздрогнем.

Чокнувшись, мы спокойно выдохнули, опрокинули свои рюмки, не сговариваясь, поднесли к ноздрям по куску хлеба и замерли, прислушиваясь, как первый шарик холодной жидкости стремится занять своё место внутри.

– Да-а-а. Вот сколько раз уже, а первая всегда как-то вот хороша.

– Тогда давай скорее вторую, а то третья поздно будет.

– Да что ж ты так торопишься?

– Медленно спускаться с горы мы будем после пятой, а сейчас я хочу стать хорошим человеком. Вы же понимаете, что человек, которому хорошо, не может быть плохим.

– Тогда – за хороших людей, нас не так много.

Маленький огурчик действительно хрустнул и его сок перемешался во рту с водочным ароматом. Первые рюмки дают ощущения от самой водки, ещё не перебитые горячими закусками. Ты понимаешь, хорошая или нет, с удовольствием сегодня или потому, что надо, а некоторым удаётся даже

предугадать, будет ли добрым утро. Пауза между второй и третьей немного длиннее.

– Вот холодная, а греет. Ильич, а за что мы сегодня вообще пьём?

– Подожди, ты же сам сказал: «Ну шо?»

– Да? Согласен, мой любимый тост, кстати.

– Ага, это лучше, чем «За дам» или «За тех, кто в море», хотя... – Девушка! Подойдите, пожалуйста. Да. Нагнитесь чуть-чуть. Нет, не пугайтесь, я не собираюсь зарыться носом в Вашу роскошную грудь, просто я уже старенький и отсюда не вижу, что написано у вас на бирке. Вот! Лера. Позвольте, Лера, мы выпьем за Вас. Других дам здесь нет, а у нас третий тост. Мы даже встанем. Вы не будете против?

– Твою ж...

– Вставайте, вставайте, проявите уважение к труженице общепита. Много женщин в ваших никчемных жизнях радуются, когда вы пьёте водку? Вот. Такое нужно ценить, – он отставил локоть в сторону, – Лера...

Тихий звон рюмок, скрежет стульев по плиткам пола и снова хруст. На этот раз – капусты.

– Да, дивчину я, кажется, смутил.

– Она сама кого хошь смутит.

– Вот как у них это получается? Она от нас отошла, а прям даже по спине видно, что улыбается.

– Да, работа нескучная, не бумажки целый день перекладывать. Постоянно есть о чём вспомнить.

– Капустка, кстати, у них хорошая, не вонючая и жуётся приятно, нет ощущения, что варёная.

– А какой от неё рассол... Не будем девчонку гонять, но, когда следующий раз подойдёт, я попрошу, чтобы принесла, они так делают.

– А ты посмотри внимательно на водку. Там на один раз осталось. Нам всё равно её звать.

– Ну да. – Лера! Будьте добры, передайте буфетчику, что мы по нему тоскуем и, чтобы два раза не вставать, скажите, пожалуйста, на кухне, что мы просим по полстаканчика рассола от капусты.

– Ещё же не утро...

Я поперхнулся, Ильич закашлялся, а Саня просто захохотал.

– Вы знаете, Лера, как звучит слово «чаевые»?

– Да, оно так приятно звенит.

– Нет, в Вашем случае оно будет приятно шелестеть, Вы только что меня убили насмерть.

Ильич разлил по рюмкам остатки водки и Лера, незаметно подхватив пустой графинчик, исчезла.

– Мы как-то пили с товарищем, а с нами араб один оказался, ну, так получилось, он его сотрудником тогда был, Саня его знает. И вот, поскольку он не пил, мы его определили на разлив. Трезвый, рука не дрожит, мечта, а не аналитик. И, в общем, заканчивается бутылка, он её пытается на стол поставить, а товарищ, громко так: «Нельзя! Забери!» Тот хватает бутылку, двумя руками, прижимает к себе: «Пашему?» Товарищ: «Упадёт». Упал, короче, я.

– Ну а как нормальному человеку объяснить, что пустую на стол нельзя? Традиция, блин.

– Кстати, о традициях. Селёдку все уже попробовали? «Как же вы селедку без водки?» – помните? Я тут каждый раз Мышлаевского вспоминаю. Вот, хороша, блин.

– Ну хорош уже в руках греть. За традиции.

Селёдку без водки я употребляю редко, да что там «редко», не употребляю. А вместе они, действительно, созданы друг для друга. Колечки маринованного лука и лужица жареного масла на аккуратно выложенных кусочках сельди других ассоциаций почему-то не вызывают. А тут глотнёшь и селёдочку туда и лучка чуть. Как к себе домой.

– Водка – это вообще традиции сплошные. Вот смотрите: Состав сорок на шестьдесят – традиционный? Традиционный. Набор закусок. Шоколадкой же не будешь? Не будешь.

– Не, ну, когда ничего больше нет, можно и шоколадкой, я когда-то бутылку под одно яблочко всосал.

– А лет тебе сколько? А понимание того, как пить правильно, традиционно приходит с возрастом. Обстановка, компания, сервировка – всё традиционное. Вот соберутся люди где-нибудь в другом конце галактики водку пить, у них же обязательно рюмки будут, огурчик...

– Да, обычно, все стараются выпивку как-то обставить.

Согласитесь, что мы никогда не пьём без каких-нибудь ритуалов. Даже если собрались не как мы сегодня, чтобы её попить, да? А вот тупо набульбениться. Всё равно же какие-то тосты говорить будут, чокаться, закуску постараются, там, какую-то подходящую организовать.

Тут появился буфетчик.

– Хорошо заходит?

– Да, знаете. Вот прям совсем.

– Понимаю, сам вот смотрю на закуску, слюнки текут, но нельзя. При исполнении. Я же правильно понял, что ещё столько же той же самой?

– Совершенно. А может всё-таки чуть?

– Вы можете не верить, но мне очень нравится моя работа. И, насколько я понимаю, мы сегодня ещё увидимся.

А с другой стороны стола Лера уже сгружала тарелки с картошкой и стаканы с мутной жидкостью.

Картошка

Сама по себе селёдка с водкой, конечно, хороша, но, если добавить к ней картошечки, сразу понимаешь, что жизнь удалась. И не важно – отварная она, рассыпчатая, сдобренная сливочным маслом, молодая, покрытая щетинками укропа или жареная с лучком на сале, селёдка всегда найдёт с ней общий язык, а за ней и рюмашка.

– А ты был прав насчёт рассола, – прервал мои мысли Сая, – он божествен.

– Прикинь, иногда можно верить даже мне. Стал бы я вас сюда водить, если бы тут было плохо. Ильич, ну ты что, есть сюда пришёл? Наливать собираешься?

– Водка, дорогие мои, не наливается быстро. Она льётся тонкой струйкой, слегка побулькивая, чтобы в рюмке оказалось ровно столько, сколько нужно для того самого глотка, который мы отправляем наполнить организм, понимаешь, заветным теплом.

– И этот человек совсем недавно что-то говорил про стаканы.

– И вы говорите. А я выпью.

Он с видимым удовольствием влил в себя содержимое рюмки, наколот на вилку кусочек селёдки, пару ломтиков картошки и, жуя всё это, добавил:

– Чувствуете вкус водки? А я сейчас чувствую.

– А я чувствую, что хорошо сидим. Это ж уже пятая была.

– Ты что, их считаешь?

– А кто-то сегодня говорил, что после пятой мы не будем торопиться.

– Так что, не наливать?

– Наливай, у меня тост появился.

– Умеешь ты уговаривать. Щас.

– Я вставать не буду, но вот что хочу сказать: «Хорошо сидим» – это, когда не важно, за что пьём. Важно – с кем. Потому что по-настоящему расслабиться можно только с близкими людьми. Когда не задумываешься, о чём можно говорить, не подбираешь слова. Когда уверен, что сколько бы ни

выпил, тебя не бросят где-нибудь на лавочке. И вообще, лучше один раз хорошо посидеть, чем месяц ходить к психоаналитику.

– Вот такие вещи как раз нужно говорить стоя. Во-первых, глубокая мысль, а во-вторых, стоя больше влазит. В следующий раз вставай.

– Интересная штука эта картошка – вроде, снаружи твёрдая, а в рот попадает и прям тает.

– А это потому, Александр, что тут повар не на понты ориентирован, а на клиента. Тебе тут хоть раз невкусно было? Вот.

– Ты говорил, что арабы не пьют. Ни фи́га. Нас как-то один уважаемый человек отправил в командировку к другому уважаемому человеку. Так вот этот другой был как раз арабским шейхом. И когда он нас угощал, сам не отставал совершенно. Но там я расстроился сильно, вернее, не там, а потом, в дюйти-фри. Я увидел, сколько стоило то, что мы пили. Чтоб вы понимали, это начало девяностых, у меня тогда зарплата была... Зарплата, в общем. А эта бутылка – примерно, как я за год получить был должен. Знал бы сразу – две бы выпил.

– Ты ж рассказывай правильно, Саня-то эту историю ещё не слышал. Чувак тут у нас учился и на стакан подсел ещё, когда в общежитии жил, а тот второй уважаемый сам из Тюмени откуда-то. В общем, скентовались однокурснички, блин. А потом как-то оба по нефтянке и пошли. Один – потому что у него свой кусок пустыни, а второй – потому что мастер спорта по самбо. Я ничего не путаю, Владимир Алексеевич?

– А что, я так часто это рассказываю?

– После пятой – регулярно.

– Стабильность – признак мастерства.

– Кстати, о стабильности. Задумывались ли вы, джентльмены, о глобальной политической ситуации? Да не мычи ты, кивни просто, я ж понимаю. Так вот, не кажется ли вам, что стабильность заканчивается?

– Мне кажется, что песец не толстый, а полный, – сказал Саня и слегка хрустнул пальцами. С учётом размеров его кулака, вздрогнули шахтёры за Полярным кругом.

– А я думаю, что этот песец, как ты говоришь, если и придёт, то он всё равно неотвратим, – заметил Ильич и характерно прищурился, – а ещё я думаю, что нужно налить, вы-

пить и я вам вот, что скажу...

Пауза продлилась недолго, выпив свою рюмку и похрустев капустой, старший товарищ наслаждался видом наших заинтересованных физиономий и продолжил:

– Мы слишком много надежд и всяких планов связываем с политиками. А они же тоже нормальные люди и их мысли от наших ничем не отличаются. Они пришли туда работу работать, а не о нас заботиться. Вот ты, вроде, слесарем был?

– Токарем.

– И скажи, вот ты, когда токарил, ты это делал из любви к металлообработке или тебя тела вращения возбуждают? Или ты зарплату получать по-другому не умел?

– Ну да, другой специальности не было, а работать было надо. Зарплату, конечно.

– Вот и политики получают зарплату и к зарплате за то, что делают работу. Понимаете? Они не твою-мою-его жизнь улучшить хотят, а жене сапоги купить. И как только все это поймут, жить станет гораздо понятнее. А мы идём на очередные выборы, выбираем тех же самых людей и ждём, что они нам сделают лучше.

– Ну чего тех же самых?

– Потому что тех же самых. Там лица на картинках иногда меняются, а задницы в креслах остаются те же. Просто есть те, кто поумнее, и с пониманием, что народу нужно разнообразие, поэтому ты, Пупкин, в этот раз председателем не будешь, на должности в исполкоме посидишь, а к следующим выборам мы для тебя что-нибудь подберём. Как куклу в театре жопой на палец надели, а детишки хлопают как-то без восторга, тогда у этой куклы палец вынимают и засовывают в другую, но палец – тот же. А самые умные вообще пальцами в жопах не ковыряются, только команды отдают и то – по телефону. А мы выбираем из тех, кого нам подсунули. Вот попробуй выйди завтра на улицу и скажи: «Хочу быть президентом». Что тебе скажут? Хорошо, если в дурку не упрут, потому что для выборов нужны бабки и совсем не те, которые на лавочках сидят и голосовать ходят, а те, которые у тебя никогда не найдутся. И получается, что ты пойдёшь к каким-то людям, которые спросят, а нафиг ты им нужен, когда у них свой Пупкин проверенный есть, а ты можешь пока за ним в помощниках походить, если и правда такой способный.

– Ну да, когда ищут, кого к станку поставить, дворников же не спрашивают, выбирают из токарей. Тут тоже выбирают, кого назначить кандидатом, из каких-то профессиональ-

ных политиков или делают профессионального из того, кто где-то по-другому засветился. Футболиста, там, или артиста.

– Правильно. Потому что они там все – хлеботорговцы.

– А причём тут хлеб?

– Да не хлеб, а хлебало. Когда оно узнаваемое, подходят и спрашивают, не хотите ли, мол, палец в жопу? И если человек хочет, ему засовывают, и он становится крупным специалистом в управлении государством. Вы же знаете, что «политика» – это не рассказы о том, что мы будем жить лучше, а как раз – «управление государством»? То есть по-правильному, если ты просто чешешь языком, как всё плохо, ты ни хера не политик, а пиздобол. Политик ты тогда, когда управляешь. А как футболист может стать управленцем? У него ни опыта, ни знаний. Но его можно натаскать говорить по бумажке, особенно, когда палец в жопе. И он становится очередным пиздоболом. В результате мы получаем руководство страны, состоящее из одних пиздоболов.

– Подожди, но ведь они какие-то бумаги подписывают, указания раздают.

– Как говорил Дзержинский? Подписываешь – не удивляйся? Их ещё ждёт своя порция удивлений.

– Ну да, если ты в школе не учил физику, тебя всю жизнь окружает волшебство.

– А я, мало того, что в школе учил, ещё и в институте, и на работе обучили, а при моих учителях не забалуешь.

– И они же вообще без печали. У меня знакомый судья был, который очень долго не хотел с «Жигулей» пересаживаться. И я видел его «Жигули», они с завода выходили хуже, чем то, на чём он ездил. Но жена доконала, что нужно машину получше. Возраст, то, сё. Так он купил себе «Волгу». Но какая это была «Волга»! В общем, от «Волги» там был только кузов. Движок и коробка от «Ровера», сидения тоже от какой-то иномарки, ему туда даже кондиционер засунули. Но внешне – абсолютно ничего выдающегося, подержанная «Волга» – не такие большие деньги. А эти сразу набирают себе кабриолетов и квартиры на центральных улицах.

– А вы знали, что у «Волги» был вариант комплектации со штатным кондиционером? Типа, для секретарей обкомов?

– А вы знаете, что у нас заканчивается водка? – Лера! Подойдите к нам, пожалуйста.

Двести граммов на человека не мешают этому самому человеку попадать струйкой из графина в рюмку, даже если

действие совпало с выступлением кукушки из часов. Навык, закреплённый десятилетиями, позволяет не расплескать то, что нас собрало за этим столом.

– Лера, у Вас замечательная профессия. Столько людей искренне рады Вас видеть.

– Я тоже не расстраиваюсь, когда вы приходите.

– Ну скажите же, радость моя, что мы Вам нравимся особенно. Ну, хотя бы я. Ну, хотя бы улыбнитесь.

– Да у меня уже щёки болят вам улыбаться.

– Ага, как в том анекдоте: «Смотри, смотри, мне вон та девушка улыбнулась!» – «Да, я когда тебя в первый раз увидел, тоже минут сорок ржал». Отстань от девушки, ей за вечер раза три замуж предлагают, а ты: «Улыбни-и-итесь». Несерьёзный ты человек.

– Хорошо, буду серьёзным. Лерочка, а почему Вы не предложили нам сало? Оно у вас тут вообще есть?

– Вы хотите ролевые игры? Хорошо, давайте, я сделаю вид, что впервые Вас вижу, а Вы не знаете наше меню наизусть. Сало? Конечно же есть, я просто подумала, что, если

вы его не заказываете, может быть, вам нельзя свинину.

– Ладно, – подключился Ильич, – Лера, я ничего наизусть не знаю, сало у вас какое?

– Сухосолёное.

– Сука, солёное?

– Балбес. Ты уже свой шанс понравиться сегодня девушке использовал, не усугубляй плохое впечатление. Может быть к следующему разу тебя забудут, и ты сможешь попробовать подкатить как-то по-другому.

– Я забываем!

– В твоём случае это не то, чем стоит хвастаться. Итак, сало.

– Да.

– Сухосолёное, с такими прослоечками, то-о-оненько так нарезанное, что даже скручивается?

– Да.

– С лёгким ароматом чеснока и изредка попадающимися крупинками крупной соли?

– Да.

– Я Вам вот что скажу, Лера, – такое можно приносить, даже если его не заказали, никто не будет обижаться. Несите! И хлебушка нам добавьте, а то закончился он почему-то. Вкусный, наверное.

– Поджарить?

– В этот раз не нужно. К салу лучше свежий. И водочки бы нам добавить. Как вашего виночерпия зовут?

– Валерий Павлович.

– Как Чкалова?

– Кого?

– Ясно, нет в мире совершенства. Несите, в общем. Буфетчик появился минут через пять.

– Я слышал, вы хотите ещё водки.

– Да кто же её не хочет-то?

– Ну почему же, не поверите, недавно к нам зашли парень с девушкой, так вот он весь вечер ел пельмени, а она нам говорила, что водку он не хочет. Люди разные бывают.

– Вы сказали «пельмени»?! Всё, нет у меня больше друзей! Мы сидим тут уже больше, чем пол-литра, а вы мне не сказали, что здесь есть пельмени? Представляете, Валерий Палыч? С какими сволочами приходится общаться!

– Между прочим, знающие люди утверждают, что наши пельмени лучшие в этом городе, хотя руководство скромнее, они говорят, что лучшие в стране.

– Ильич, я как раз собирался, картошку ж доели почти.

– Собирался он! Тут можно было и без картошки.

– Ильич, – внезапно поддержал меня Саня, – как же без картошки? А селёдке одной, что ли скучать?

– Селёдке? Ладно, прощаю. Спасибо, дорогой Валерий Палыч, думаю, что мы ещё увидимся, если меня раньше не арестуют за убийство этих подонков.

– Не переживайте, кнопка вызова полиции у меня, поэтому увидимся по-любому.

Взмахнув подносом, он нас покинул, зато вернулась Лера.

– Кому из вас сало?

– А покажите-ка... Все три порции – мне!

– Ильич! Лера! Блин, не слушайте Вы его или несите нам всем по три порции.

– Мне три не нужно, – заметил Саня, – я, конечно, парень крупный, но пельмени тоже нужно куда-то помещать.

– Вот! Я уже думаю о том, чтобы его простить. Пельмени. Можете мне сказать, Лера, почему мы их ещё не заказали? Они у вас вообще с чем?

– С мясом.

– А с каким?

– Если я Вам расскажу рецепт, мне придётся Вас убить, потому что тогда хозяин убьёт меня, повара, Валерия Павловича и всех, кто это слышал или допустил.

– То есть, я должен просто поверить, что они вкусные?

– Можете поверить сложно, хуже они не станут.

– Лер, у него чёрный пояс по поеданию пельменей, а под водку – два.

– То есть, для начала – по одной порции. Хо-ро-шо.

И мы снова увидели бантик фартука. Не самое худшее зрелище, знаете ли.

– Итак, негодяи. У нас минут пятнадцать до того, как сало перестанет меня интересовать. Предлагаю не затягивать.

– Так наливай, предлагает он.

– Да. Предлагаю. Предлагаю просто выпить.

– Можем выпить сложно, хуже она от этого не станет.

– Да, мне тоже понравилось. Так вот, давайте не будем облекать в слова тот факт, что нам просто нравится пить водку.

Ильич уложил на хлеб кусочек сала, проглотил свою водку, принялся к бутерброду, отправил его вослед и довольно жажмурился.

– Семь бутербродов, скажу я вам, лучше, чем ни одного.

– Нужно попросить у Леры блокнот и ручку. Я просто обязан сохранить вашу, Владимир Алексеич, мудрость для грядущих поколений.

– Да-да, сохраняй, потом принесёшь на утверждение. А пока нам принесут пельмени, скажите, где здесь можно помыть руки? Не могу с немытыми руками прикасаться к святому.

Пельмени

Почему пельмени – идеальная закуска? Потому что наливаешь ты в рюмочку холодненькой, накаливаешь на вилку маленький пельмешек, в сметане его так выпачкаешь изрядно, выдохнешь, паузу секундную выдержишь, опрокинешь рюмку и, пока бежит обжигающая прохлада по организму, ты пельмень уже жевать начинаешь. Второй добавишь и можно следующий глоток наливать. Пока Лера расставляла по столу тарелки и розетки со сметаной, Ильич решил напомнить о своём чёрном поясе или просто ему была в диковину официантка, с которой можно поговорить.

– Лера, а уксус вы к пельменям подаёте?

– Начальство запрещает.

– В смысле? А если я, предположим, без уксуса не ем?

– Тогда велено возвращать их на кухню, потому что это не те пельмени, которые Вы ели в общаге, а лучше маминых. Хозяин так и говорит: «Не позволяйте людям портить продукт уксусом, кетчупом или майонезом, лучше пусть вообще не едят. Зря мы тут что ли вот это вот всё?»

– Вы понимаете, на какой уровень сейчас задвинули планку? Без шеста не перепрыгнуть.

– С шестом тоже. Вы будете говорить, пока они остынут или всё-таки попробуете, а то у вас ещё не налито даже.

– Никуда не уходите, – со зловещей интонацией произнёс Ильич, – сейчас я их попробую, и Вы всё про свои пельмени узнаете, и начальству передадите.

Пока он переводил водку в состояние боевой готовности, девушка с абсолютно серьёзным видом достала блокнот и сделала вид, что собирается записывать. Накатив свою рюмашку, Владимир Алексеевич точным движением вогнал вилку в ближайший пельмень, макнул его в сметану, отправил в рот, сделал пару жевательных движений и настороженность на его лице резко сменилась выражением блаженства. Он закрыл глаза и, продолжая жевать, замычал. Мычание перешло в мурлыканье, после чего, не открывая глаз, наш уважаемый эксперт резюмировал:

– Пишите: Я хочу жениться на вашей поварихе.

– Э, Ильич, ты ж женатый.

– И что? Это не мешает мне хотеть. Я сейчас действитель-

но съел лучший пельмень за последние года три, как минимум, – он решительно поднялся, схватил графин и разлил водку, – хочу выпить за повара, Вы пишете, Лера? Я в восторге, восклицательный знак. Буду приходить как можно чаще, точка. Послезавтра приведу трёх человек, опять восклицательный знак, – порядок действий с рюмкой и пельменем повторился, он снова закрыл глаза и опустил на стул.

– К нам недавно зашла компания – две пары, взрослые уже люди, и я предложила им пельменей.

– Ага! Значит, я тут единственный, кому их не предлагают! – Вскричал Ильич, – скрывают, практически! Прячут, давайте жалобную книгу.

– Они ответили, что только что вышли из хинкальной, – не моргнув глазом, продолжила Лера, – и какие, типа, уже могут быть пельмени. А вон там в углу как раз сидел хозяин. Он встаёт, подходит к ним и говорит: «Сейчас вам принесут одну на всех тарелку пельменей, вы просто попробуете, если вам не понравится – это за счёт заведения, если понравится – оплатите». Так они оплатили эту порцию и заказали ещё по одной каждому.

– Верю. Охотно верю.

– Я уже могу уходить?

– Вам не нравится наше общество?

– Не то, чтобы, но молодые люди за третьим столиком уже ревнуют.

– Эххх, надеемся, что Вы ещё вернётесь.

– Как минимум, за посудой.

И снова тот же бантик. Умяв по полтарелки пельменей, мы ощутили переход на следующий уровень – когда уже настолько хорошо, что лучше и не нужно. Ильич высказал мнение о божественном происхождении пельменей. Я склонялся к земной версии, мотивируя это тем, что, хоть всегда и считал его хорошим парнем, но не до такой степени, чтобы дерзать жениться на богине. После чего неосторожно заметил, что вообще стою на материалистических позициях даже в отношении таких значимых для человечества вещей, как водка и пельмени. А раз уж и они – результат деятельности человека, а не каких-то высших сил, то и вера в бога, а также все эти религиозные учения совершенно несостоятельны.

– Сам ты несостоятельный, – отреагировал вдруг Саня, – чему, по-твоему, учил Христос?

– Сань, у меня курс научного атеизма плавно перешёл в историю религии, время было такое. И, что, сука, характерно, преподавал тот же самый человек. Поэтому я помню, что он занимался ревизией тогдашних еврейских верований, за что его и сдали римлянам, а вся эта езда на ослицах была имиджевым решением, чтобы поддержали бедняки, которых везде больше.

– Вот не зря Ильич говорит, что ты балбес и за что мы только тебя терпим? Ильич, за что мы его терпим?

– Он нас сюда привёл.

– Аргумент. Смотри, в общем: если даже ты считаешь, что произошёл от обезьяны, Бог тебе судья. Хотя нет. В твоём случае – обезьяна. Но даже при этом ты мог бы разобраться, о чём написано в самой известной Книге. Хотя бы для общего развития. И, когда я говорю про самую известную книгу, я это не про сборник анекдотов, который ты в поезде нашёл. Так вот, если ты всё же считаешь, то, на чём основана вся наша цивилизация, то, наверное, поймёшь, что Иисус учил человечности. Прикинь, тогда это тоже было актуально. Люди за две тысячи лет не сильно изменились. Ну слетали в космос. Ну придумали мобилу. А во всём остальном от древних евреев особо не отличаемся. Так же хочется пожрать, чужую бабу и спереть, что плохо лежит. И тогда хоте-

лось. Моисей просто перечислил десять заповедей, типа уголовный кодекс, народ решил, что фиг с ним, пропетляем, то есть нужно грешить так, чтобы никто не видел. Как с любым запретом – если чего-то нельзя – надо как-то это обойти. А Иисус сказал: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Понимаешь? Не «Нельзя делать человеку плохо», а «Делай так, как хотел бы, чтобы он сделал тебе». Всё. Можно даже без Заповедей и без «Морального кодекса строителя коммунизма». Ты сам – мерило отношений.

– Другими словами, он учил не быть мудаком, – уточнил Ильич.

– Можно и так сказать, если совсем коротко и для балбеса. А как Он мог учить толпу неграмотных людей? Только творя чудеса. Но, если вспомнить всё, что Он творил, мы увидим, что это всегда было добро. Понимаешь? Он нёс в мир добро, а не ревизию религии. И смысл фразы «Принял Он смерть за грехи наши», имеет несколько иной смысл – мы убили Его тогда и продолжаем убивать все и постоянно, потому что Он учил, что нужно быть людьми, но нужно это оказалось только Ему. И после этого обвиняем Бога в войнах, болезнях и прочей херне. Да после того, что мы сделали с Его Сыном, нас вообще нужно было стереть, как неудачный эксперимент.

– Ну вот, ты правда веришь, что есть какой-то бородатый

дедушка на облаке, который создал небо и землю, а потом пришёл к чужой невесте и заделал ей сына непорочным образом?

– Во что я верю, тебе сразу не объяснить, потому что ты балбес. Чтобы было понятнее, как околонуучному атеисту, Сын человеческий – один из нас, но Он обрёл дар донести до человечества простую истину, как, вот, ёмко выразил Ильич, что нужно не быть мудаками. Тебе, конечно, будет удобнее считать, что всё, что связано с Его обожествлением – маркетинговые находки тех, кто разделял Его учение и хотел распространить по миру. Кстати, даже при таком подходе, никто не сможет сказать, что не сработало. В конце концов, как существование Бога, так и Его отсутствие недоказуемо. Поэтому, я верю, что Он есть, а ты веришь, что Его нет. Если тебе будет проще умирать, сознавая, что после смерти ничего нет, тебе воздастся по вере твоей. Это твой выбор, единственное, о чём хотелось бы попросить – не будь мудаком, потому что вокруг тебя есть люди, и они не виноваты в том, что твоя мама не стала прерывать беременность. То есть им теперь приходится терпеть твоё пребывание на земле, вместо того чтобы нарушить Заповедь «Не убий».

– Я тоже тебя люблю.

– Я вам сейчас скажу одну вещь, и, если я неправ, пусть

старшие товарищи меня исправят. Так вот, теологические споры имеют смысл только между представителями одной конфессии, потому что люди с разной верой никогда не договорятся. И всё из-за того, что отсутствует доказательная база. Но мне лично Санина позиция ближе. Давайте выпьем за любовь к ближнему, в смысле – за то, чтобы мы не ссорились.

Конечно же мы это предложение поддержали и, как только пустые рюмки опустились на стол, раздался металлический звон. Мы повернулись к источнику звука и увидели Галю, которая, хаотично меняя направление, наматывала круги по вольеру. Замерев на пару секунд где-нибудь под потолком, спрыгивала на пол и снова бросалась на решётку ограждения, чтобы, оттолкнувшись от неё, перескочить на закреплённую в глубине ветку дерева, юркнуть в дупло своего домика, вылетев оттуда, отхлебнуть, повиснув вниз головой, воды из поилки и снова сделать несколько кругов по маршруту пол-потолок. Ильич подошёл к вольеру.

– Лера, а что она любит?

– Когда её не трогают.

– А из еды? Можно мне, как человеку, пообещавшему ей кедровую шишку, чем-нибудь её покормить?

– Как ни странно, больше всего на свете она любит помидоры.

– Белка.

– Да.

– Помидоры.

– Ага.

– Ну что ж, для её ареала обитания – вполне допустимая пища. Знаете, мне что-то вдруг захотелось помидорку. Не будете так добры дописать одну к счёту?

Пока Лера ходила за помидором, вокруг вольера собрались другие посетители.

– Видите? Милая девушка не врала – пока все присутствующие не выпили, белка не приходила. Интересно, как они это делают?

– Что? Выгоняют животное на запах спирта?

– Вы же понимаете, что это – мощный стимул принять на грудь.

– Думаешь, здесь других стимулов нету? Загибай пальцы: Огурцы, селёдка, пельмени...

– Да, на этом фоне даже выход белки меркнет.

– Приход. Белка приходит.

Долька помидора была подана на тарелочке в комплекте с кратким инструктажем по технике безопасности при кормлении грызунов. Взяв угощение двумя пальцами, Ильич поднёс его к решётке. Галя мигом вцепилась в проволоку всеми четырьмя и попыталась просунуть голову в двухсантиметровую ячейку. Поняв бесперспективность этого действия, она за пару секунд раз пять пронеслась из стороны в сторону, отпрыгнула на ветку, снова вернулась на решётку, сделала по ней несколько кругов, потом, держась за неё тремя лапами, просунула четвёртую в отверстие и два-три раза сжала её в кулачок, повисла плашмя и начала перемещаться в таком положении вправо-влево, виляя хвостом и не сводя глаз с помидора. Когда красная долька была просунута в ячейку, Галя схватила её зубами и передними лапами и начала тянуть внутрь вольера, Ильич, хотевший ещё немного поиграть, не удержал скользкий овощ и победительница уселась на ветку, где мы наконец-то смогли её разглядеть. Серебристый мех на спинке и боках переходил в роскошный рыжий хвост, а рыжую голову над белой грудкой украшали пушистые кисточки на ушах.

– Крымка, – сказал кто-то.

– Телеутка, – ответили ему.

– Мальчики, не ссорьтесь, это одно и то же, – объявила Лера и добавила, что у этой породы кисточки на ушах круглый год, а у обычных белок только зимой, поэтому Галя такая красotka.

Красotka тем временем сточила свою помидорку, юркнула в дупло и замерла, высунув наружу мордочку. Мы вернулись за стол и попросили Леру организовать нам встречу с Валерием Павловичем.

Повторить

Человек, который тебя кормит, вызывает массу положительных эмоций, ты готов ему улыбаться, ты видишь в нём скрытую красоту и прекрасную душу. А человек, который тебе наливает, на какое-то время становится почти родственником, причём, близким. Поэтому появление буфетчика с очередным графинчиком мы восприняли, как выход Деда Мороза в детстве, с той лишь разницей, что у старика в мешке может оказаться, как луноход, так и коробка с карамельками, а в содержимом графинчика мы были уверены. Ан нет. Не все. У Ильича, оказывается, при этом объёме спиртного возникает подозрительность:

– Валерий Палыч, дорогой Вы наш человек, а скажите, пожалуйста, как мы можем быть уверены, что Вы приносите нам именно ту водку, которую мы заказали? Она же по цвету, вот, совсем не отличается. Может быть, Вы сами там втихаря спирт бодяжите, а мы пьём. А? – Прищур Владимира Алексеевича стал ещё ласковее и даже мне захотелось сознаться в краже шоколадки из родительского серванта во втором классе.

– Во-первых, мне очень не хочется получить по морде.

Учитывая количество взрослых нетрезвых мужиков каждый вечер, это чревато боком. Во-вторых, должно же на Земле быть хотя бы одно место, где вас не надурят. А в-третьих, в этом заведении всего две видеокамеры – одна на кухне и вторая в баре, и никто не знает, где именно они установлены. А хозяин очень внимательно относится к культуре обслуживания и иногда сам выходит за буфетчика, то есть понимает, где, как и на чём можно напарить. Поэтому всё предусмотрено, да не очень-то и хотелось. Есть во всём этом что-то от искусства. И мне нравится.

Из-за спины Валерия Павловича выглянула Лера. Снегурочку даже звать не пришлось.

– Я точно вам не нужна? Этот графинчик вы закусывать не планируете?

– А что это мы, правда, как-то отвлеклись на Галю. Спасибо, Валерий Палыч, за разъяснения, извините, если мы Вас обидели своими подозрениями, но лучше так, чем я ночь спать не буду от переживаний, что ж я пил весь вечер. – Ильич обвёл нас взглядом, – что закажем, молодые люди?

Саня сказал, что для его организма вот эта порцияпельменей была какой-то маленькой и он с удовольствием съест ещё одну. Я поддержал, но не потому, что маленькая, а потому что люблю их до уровня зависимости, а Ильич просто сказал: «Да, я тоже хочу ещё».

– Господа, а не кажется ли вам, что мы сами себе обеспечили наличие водки при отсутствии закуски? Что будем делать? У нас есть два пути: пить без закуси и ждать пельменей. Сань, ты как?

– Мы же уже не торопимся, пятая давно была, я помню.

– Ильич?

– А что «Ильич»? Водка без закуски – это пошло.

– Да... Врождённое чувство прекрасного одной бутылкой не перешибёшь.

– Блин, если бы мы только что не договорились дожидаться закуски, я бы сказал, что это – замечательный тост.

Снова закрихтела кукушка. «Хорошо, что под такими часами не приходит мысль посчитать, сколько лет осталось», – как-то слишком серьёзно проговорил Ильич.

– Не пугайте меня, Владимир Алексеич. Вы, конечно, старший товарищ и про всякую гипертонию и импотенцию узнаете раньше, но не настолько, чтобы мы тут думали, что вся жизнь впереди. Не надо.

– А что импотенция – гора с плеч. Куча свободного времени и сплошная экономия.

– Да ладно. Основной инстинкт же.

– Ты всё-таки балбес. Ты представь, что никуда не нужно бежать, не нужно переживать, целые у тебя носки или нет. Не нужно думать, что сказать жене. Чистый кайф, а если даже кто-то подвернётся, то: «Заходи, раздевайся, ложись, рассказывай». Не. Такое понимание с возрастом приходит. И в семейной жизни сплошное безоблачное счастье. Все заботы – про то, чего вкусного поесть и о детях, в смысле, когда, наконец, внуки будут. Детям эти разговоры не нравятся, поэтому они стараются не появляться и денег не просят. Скорей бы уже, в общем, от этого инстинкта избавиться. Я даже сразу себе кресло-качалку куплю.

– Ясно, Сань? Как только увидим у Ильича кресло-качалку, значит, можно за него радоваться. Сбылась мечта – согнулся меч-кладенец, понику главою конь буланый.

– Сам ты конь, всё б тебе поржать. Лера, вон, пельмени несёт. Я, когда её вижу, у меня вера в человечество оживает, потому что, глядя на вас... ну ладно, Саня ещё относительно нормальный, но ведь вымрем же нахрен из-за таких, как ты. Пар, исходящий от пельменей, может примирить с окру-

жающей действительностью, кого угодно.

– А знаете, Лера, когда мы много лет назад собирались всей семьёй на пельмени, кому-нибудь обязательно попадался «счастливый» – или с чёрным перцем внутри, или с монеткой. У вас такого не практикуют?

– В наши пельмени, кроме специального фарша, вкладывают только душу. Недавно проверка была, сказали, что в технологической карте про душу писать не нужно. Ну мы там всё переделали, конечно, но душа осталась. А у вас какую монетку вместо неё совали?

– Лера, мы тут собирались пить за чувство прекрасного, так вот, Вы прекрасны, Лера, я это чувствую.

– Спасибо, ещё что-нибудь заказывать будете? Тогда я подойду попозже.

Мы посмотрели ей вслед и под ильичёвское «нет повода не выпить» подняли рюмки. Закинув вслед выпитому пару пельмешек, я спросил, почему Ильичу так нравятся колючие женщины.

– Небритые, в смысле? С чего ты взял?

– Не небритые, а нахальные, ну как тебе ещё объяснить?

– Мне ничего объяснять не надо. Это же ты спрашиваешь. А тебя разве не учили, что в правильно поставленном вопросе половина ответа?

– Не нуди, Ильич. Не хочешь – не говори.

– С колючей женщиной, как ты их называешь, есть о чём поговорить.

– Да, я помню: «Ложись, рассказывай».

– Это тоже когда-нибудь наступит, но тебе правда совсем неинтересно, что будет после этих вот твоих трёх минут?

– Ну чего это трёх?

– Ну, предположим, Вика мне рассказывала, как она из-за этого расстраивалась. И ещё из-за того, что с тобой поговорить не о чем.

– Так, ёб, стоп! Вика ж, она ж... Я ж... Я не понял, так ты с ней тоже?

– Не я с ней, а она со мной и мы всего лишь поговорили. Несколько раз. И подолгу. Она, конечно, не «колючая», как

ты говоришь, но довольно умненькая девочка, а ты – балбес и я рад, что она уехала за границу. Ты же, вроде, взрослый уже, женщине тепло душевное нужно, даже колючей. А может быть – особенно колючей. Зато с ними интересно. Постоянно нужно быть в тонусе. Чувство юмора вообще ценнее больших сисек. Потому что сиськи можно пришить, а мозги перепрошить не получится. И сиськами ты, например, пользуешься только три минуты, а остальное время будешь сидеть рядом с дурой? Хотя, да, ты будешь. Можно ж при этом в телефон воткнуть.

– А скажи честно, – вмешался Саня, – ты того дебила на велосипеде сбил, потому что в телефон втыкал?

– Да вы задрали, что вы из меня весь вечер идиота делаете?

– Не то, чтобы это были мы. Понимаешь, в Книге Судеб...

– Ладно, достали, наливайте лучше.

Ильич взял графин, плеснул Сане, поднёс к моей рюмке, задержал руку и спросил:

– Кого ты там сбил? Не то, что бы я сильно переживал, я для понимания – мы сейчас чокаться будем или нет. Человек жив? Сань? Куда он опять встряпался?

– Да пусть сам рассказывает, я его уже забирать приезжал. Ужас, блин, летящий на крыльях ночи.

– Тогда давайте сначала выпьем, я на сухую его приключения плохо воспринимаю.

Мы выпили, я прожевал свои пельмени, почему-то вздохнул и начал рассказывать:

– Помнишь, неделю назад вечером ливень был жуткий? Ну вот, еду я по объездной, а там фонарей нет почти и видимость, знаешь какая, ещё встречные слепят и вдруг вижу у меня перед бампером велосипедист. У него, сука, ни фонарей, ни отражателей, ни фига нету. Вот просто тёмное пятно. Я – по тормозам, руля выкручиваю, а вокруг машин полно, все с работы едут. В общем, влупил я его. Меня занесло, поперёк дороги поставило, хорошо – никто меня ещё не стукнул. Подбегаю – лежит, красавчик. Он не просто без опознавательных знаков, а ещё и в плащ-палатке. Ниндзя, блин! Дед такой, лет под семьдесят. Я его за шею пощупал – живой, смотрю – даже шевелиться начинает. А тут народ сбегается и все недобрые такие. Я им кричу, чтобы не трогали, потому что мне ДТП со смертельным исходом не нужно, и хорошо – менты подъехали, я помню – их обогнал перед этим. Они сразу «скорую» вызвали, сами пока народ тоже разгонять стали. А дед этот сесть пытается. Я смотрю, думаю – это

хорошо, конечно, потому что значит, что я не сяду. Говорю, лежи, мол, хрен его знает, что с тобой, вдруг тебе шевелиться нельзя. Нет, поднимается, гад, я его собой загородил от людей и говорю: «Лежи, дед, пока скорая приедет. Здоровее будешь, потому что мне уже без разницы, есть у тебя сломанные рёбра или сейчас появятся». Он, вроде, понял, затих. Менты осмотрели, там понятно всё, чувак под дорожное покрытие косил, зелёный, блин, и плоский. Ну, как «плоский», ещё секунда и стал бы. В общем, я у него по-доброму так интересуюсь, как он вообще дожил до своих лет, такой тупой? «Ты ж, – говорю, – не в первый раз тут ночью едешь, как до сих пор пропетлял-то?» А он говорит: «У меня полоски на педалях светоотражающие». Тут уже меня менты от него оттащили, говорят, мол, он debil, конечно, но ты ж себе щас срок просто с пола поднимешь, если его добьёшь. Ну тут «скорая» приехала, я им его передал, а тут водила этой «скорой» подходит, смотрит на всё и говорит: «Нервы у тебя, парень, крепкие, я б добил козла». Ну и потом велосипед мне пришлось к нему домой отвезить, он адрес сказал, а то я, говорит, без велосипеда в больницу не поеду, а его в «скорой» пихать некуда, врачи на меня смотрят, я на – них, потом все вместе – на ментов. Загрузил я его как-то, отвёз по адресу, бабке его сообщил, а она спокойно так, без истерик, я думал, орать начнёт: «Душегубец! Кормильца покалечил!» Ни фиги. Я, говорит, его предупреждала, чтобы по ночам велосипед этот свой не трогал, вернётся, вот, я ему устрою. Ну

и потом ещё полночи катался в трубку дуть, крыло выправлял, чтобы колесо не цепляло. Вечер удался, блин.

– Да, умеешь ты.

– Так самое смешное – что виноват по закону я. Даже, если бы он мне под колёса кинулся. Управляю источником повышенной опасности. То есть, всё приключение – за мой счёт. И рихтовка с покраской, и штраф, и судебный сбор. Хорошо, хоть менты ему успели объяснить, что он, как честный человек, обязан написать заявление, что не имеет ко мне претензий, потому как сам дурак. И хорошо, что у меня в машине бутылка вискаря оказалась, чтобы я не чувствовал себя неблагодарной тварью. В общем, как там евреи говорят? «Спасибо, Боже, что взял деньгами».

– Ты ж ненаучный атеист.

– Да с вами, блин... Наливайте, а то у меня в горле пересохло, столько вам рассказывать. Это ж никакого здоровья не хватит.

– Саня, как ты с ним ездешь? Вы же какие-то дурные километры вместе намотали.

– Как-как? Зажмурившись. Зато каждый раз есть, что

ВСПОМНИТЬ.

– Пьём?

– Пьём!

– Вот почему под вискарь так не посидишь?

– Я потому его ментам и отдал.

– Да, его если пить, то вдвоём.

– Это ж надо быть таким жлобом! – С восторгом выкрикнул Саня, – Ильич, никогда бы на тебя не подумал. Чтобы, значит, в одно горло больше выжрать?

– Не. Вот смотри, сколько мы за сегодняшний вечер съели. А ты представляешь то же самое под виски? Сумрачный шотландский гений за шестьсот с лихуем лет так и не изобрёл, чем его закусывать. С горя водой разводят или льдом портят. Радуйтесь, кстати, что у вас есть я. А я вам скажу, что лучшая закуска под это дело – фисташки. Не благодарите. Так вот, ты пробовал под вискарь веселиться в шумной компании? А под водку – в полный рост. Потому что застолье, потому что закусок море, потому что все вокруг – хорошие люди. Кстати, о закуске. Мы что-нибудь ещё заказывать

будем?

– По мне, так хватит. Сань, ты ещё будешь?

– Да уже хорошо, вроде, щас ещё по одной, пельмени до-
едим и можно разбегаться.

– Да, лет тридцать назад я бы утром не помнил, как отсюда
вышел.

– Такие к нам почти не ходят, слава богу, – внезапно воз-
никшая у стола Лера поправила салфетки и поинтересова-
лась, – будете продолжать?

– Нет, будем допивать и ждать счёт. Вы умеете считать?
Начинайте.

Ильич разлил остатки водки, посмотрел на нас сквозь
рюмку и подытожил:

– Пить нужно в меру, в хорошей компании и с удоволь-
ствием. Сегодня все пункты были соблюдены, я считаю. До
следующего раза моя пожилая печень может быть спокойна.

– Ты забыл, что обещал привести сюда людей дня через
два?

– Да? Ну вот и будет следующий раз. Не такая уж она и пожилая, – тщательно вытерев последним пальцем сметану из розетки, он принял последнюю рюмку и в последний раз довольно зажмурился, – спасибо тебе за наводку, мне здесь понравилось всё. Вот, прям, моё. Теперь есть, где.

Лера принесла распечатку наших достижений, уложенную в потёртого вида кепку. Мы накидали туда купюр от всей души, по виду – раза в полтора больше чека. Ильич протянул кепку и с неожиданной сталью в голосе громко прошептал:

– Берите и чтоб я Вас сегодня больше не видел. Вздумаете принести сдачу – отшлёпаю. И пусть Валерий Палыч вызовет нам такси.

Мужские пьянки заканчиваются либо дракой, либо просто забытьём, либо дракой в забытии. В нашем случае повода подраться не случилось. Может быть, этим «попить водки» и отличается от «нажраться». Из такси я вышел последним, от забытия меня отделял подъём на лифте и необходимость снять ботинки. Хорошее настроение – такая вещь, которой, если поделиться, его меньше не становится. Обычно, в момент расставания желаю таксистам беспокойной ночи. Ещё не было случая, чтобы в ответ не улыбнулись.